

РЕЦЕНЗИИ

© ЭО, 2004 г., № 5

Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура. In memorgiam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

Рецензируемая книга включает монографию Б.Н. Путилова “Фольклор и народная культура” и мемориальный отдел “In memorgiam”, в котором опубликованы статьи коллег и учеников выдающегося отечественного фольклориста. Несомненно, второе издание одной из последних теоретических работ Б.Н. Путилова, исправленное и дополненное, ожидалось специалистами уже после выхода в 1994 г. первого и достаточно скромного издания тиражом в 300 экз. Тем не менее в этот временной промежуток (почти десять лет) книга “Фольклор и народная культура” существенно повлияла на позиции и взгляды фольклористов и стала своеобразной путеводной нитью в разработке новых и когда-то “неактуальных” тем и проблем в развитии отечественной науки о народной культуре на рубеже XX–XXI вв. Отметим, что монография “Фольклор и народная культура” наряду с другими теоретическими работами Б.Н. Путилова явилась необходимой фундаментальной теоретической базой, которая способствовала становлению нового постсоветского поколения специалистов в области фольклористики, этнографии и этнологии в России.

Б.Н. Путилов в своей книге остается сторонником так называемого типологического подхода к исследованию фольклора, но пафос, по замечанию Е.А. Костюхина (автор “Введения” к новому изданию монографии), совсем иной. Нет единственной верной, “самой хорошей” теории: при всех очевидных достоинствах сравнительно-исторического метода “есть другие методы и методики, которые дают возможность посмотреть на фольклор иначе, с разных сторон” (с. 9).

Круг проблем, рассматриваемых в книге Б.Н. Путилова, чрезвычайно широк, но их можно свести к двум основным направлениям – “Фольклор как вербальная культура” и “Фольклор как творческий процесс”, в которых последовательно разрабатываются идеи и взгляды ученого о границах предметного поля фольклора и особенностях творческого процесса в рамках фольклорной культуры. В позиции исследователя явно присутствует тенденция к разрушению некоторых стереотипов чисто фольклористического и этнографического подходов к исследованию всего многообразия фактов “фольклорной реальности”. Кроме того, в книге достаточно широко представлены позиции и точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на ту или иную проблему. И это одно из достоинств книги – обсуждение проблем фольклористики происходит в широком контексте, материалом ее становятся не только факты русского фольклора, но и славянского, других народов мира.

Одна из таких проблем – критика известного взгляда на фольклор как искусство слова, к сожалению, до настоящего времени еще окончательно не изжитого в современной исследовательской практике и прочно укоренившегося в вузовском и довузовском образовании. Б.Н. Путилов аргументированно показывает ложность и необоснованность чисто литературоведческого подхода к фольклору, который привел к тому, что из поля зрения исследователей “выпали” многие составляющие семантической и образной основы фольклорного текста, а “фольклорное Слово утратило свой природный смысл” (с. 24).

В свете наличия различных и достаточно спорных определений фольклора, на наш взгляд, принципиально важное значение имеет вводимое ученым понятие “фольклорная культура”. “Если фольклор принадлежит к сферам духовной культуры, выступая как ее часть, то мы вправе говорить о фольклорной культуре (в более точном смысле – субкультуре) как относительно самостоятельном явлении – со своими достаточно зыбкими границами и своим объемом составляющих” (с. 35).

Правда, в “Этномузыковедческих заметках об этнической традиции” (помещено в этой же книге) И.И. Земцовский предлагает заменить ключевой для Б.Н. Путилова термин “фольклорная культура” на более широкое и всеохватывающее понятие “этническая культура”, или, еще шире, “этническая традиция” – термин, обладающий в большинстве случаев несравнимо большей объективностью и обобщенностью, нежели “народный” или “фольклорный” (с. 313).

Однако так ли уж целесообразна подобная замена терминов? Содержание понятия “фольклорная культура” в контексте размышлений Б.Н. Путилова, несомненно, обладает особой спецификой по отношению к общепринятому в современной исследовательской практике понятию “традиция” (будь то фольклорная или этническая), о которой в книге идет речь отдельно. Подчеркнем, что категория традиции принадлежит к функциональному плану культуры. “По-своему категория традиции, – пишет Б.Н. Путилов, – обнаруживает свою универсальность на всем пространстве фольклорной культуры – как совокупность накопленного опыта поколений, наследия, живущего в памяти и реализуемого в самых различных формах и на самых разных уровнях и являющегося одновременно основой функционирующей системы и источником создания новых систем” (с. 54).

Важнейшим выводом главы “К спорам о границах предмета” является утверждение, что “фольклорная культура... не сводится к культуре народных масс; она как феномен много шире и богаче, и традиция отождествления фольклорного только с народным должна быть разрушена” (с. 61). Таким образом, категория “народности” в известном идеологическом ореоле теряет всякий смысл.

Специального рассмотрения в книге удостоивается тема “Фольклор и действительность”, неизменно присутствующая в работах представителей исторического направления в фольклористике. Тема эта “вечная” и решение ее полностью зависит от уровня понимания специфики фольклорного явления его истолкователем. Б.Н. Путилов обращается к ней с присущим для него тонким исследовательским чутьем. Важно обратить внимание на то, что вводимое им понятие “инклюзивности” (“включенности”) помогает по-другому подойти к решению проблем, связанных с отношением фольклора и действительности. “Инклюзивность” – один из важных субстанциональных признаков фольклора – трактуется исследователем как постоянное качество фольклора, позволяющее всей фольклорной культуре и отдельным конкретным ее слагаемым быть включенными в систему жизнедеятельности этноса (с. 73). Наиболее широкое и многоаспектное выражение оно получает в функциональных связях фольклора с лежащими в основе системами и явлениями.

Рассматривая некоторые наиболее важные из функциональных связей фольклора с внефольклорной действительностью (с трудовыми процессами и операциями, обрядами и др.), Б.Н. Путилов подчеркивает правоту тех исследователей (Б. Малиновского, Г.И. Мальцева), которые утверждали, что действительность, которая воссоздается в тех или иных фольклорных жанрах, несоотносима с миром “реальных данностей”: речь идет лишь о некоей “фольклорной реальности”, а ее следует характеризовать как “мир традиции” (Мальцев). Возможность “конструирования” этого мира непосредственно связана с понятием “памяти традиции”; именно фольклор, по мнению автора монографии, выступает средоточием этой памяти.

Как продолжение обсуждения темы “фольклор и действительность” выступает положение, что “одним из заметных проявлений инклюзивности фольклора выступают контекстные связи”. Автор разделяет идеи Б. Малиновского, исследователей американской школы (А. Дандеса, Р. Финнеган, Бен-Амоса), отечественных (Г.А. Левинтона, А.К. Байбурина, К.В. Чистова) и считает, что “контекст – это одновременно категория коммуникативная, сигникативная и генеративная, поскольку с контекстом связаны акт исполнения, глубинные значения текста и его происхождение” (с. 129).

Особого внимания в монографии удостоена тема “этнографическая действительность и фольклор”. Б.Н. Путилов справедливо признает, что для фольклорного творчества определяющую роль играют элементы этнографической действительности, которые носят характер организованных систем – со своими кодами, семантикой, структурами и особенностями функционирования (с. 130). Выступая как сторонник этнографического метода исследования фольклора (во всяком случае не как его противник), Б.Н. Путилов тем не менее четко осознает и возможности применения такого подхода к анализу фольклорных текстов. В частности, он вступает в полемику с А.К. Байбуриным и Г.А. Левинтоном, авторами статьи “О соотношении фольклорных и этнографических фактов” (Aeth. 1983. Т. 32), в которой утверждает необходимость разграничения мифа как повествовательной единицы и мифа как парадигмы. Суть полемики заключается в том, что инвариантные типы рассказов о происхождении локуса, имени и т.д. восходят к мифу (это точка зрения авторов статьи), однако, как полагает Б.Н. Путилов, не всегда происходит так, что “фольклорные тексты удовлетворяют нужду в необходимости словесного выражения тех же значений, что и сам ритуал, когда он утрачивает связь с мифом” (с. 133). Это означает, что фольклорный фонд формируется также за счет самостоятельных фольклорных фондов сюжетов, мотивов, образов, структур, элементов языка, которые так или иначе обязаны своим происхождением различным фактам этногра-

фической действительности и до глубинной сущности которых нельзя добраться без познания соответствующих источников и механизмов взаимодействия (с. 134). И далее он по сути формулирует цель фольклористических исследований как самостоятельной области научного знания: "...для фольклориста не всегда так уж важно, уходят ли корни сюжета/мотива в какие-то этнографические глубины, одновременно ли по происхождению с артефактами и явлениями либо даже предшествуют им. Самое главное для него – это найти ту этнографическую реальность, которая способна объяснить существование данного сюжета / мотива, через сопоставление с которой можно прийти к истокам его семантики и структуры, осветить самый факт его возникновения, а тем самым начать раскручивать сложный клубок, связанный с историей, кодами, сложностью семантических связей. Таков наиболее плодотворный путь историко-генетических и историко-типологических исследований фактов мирового фольклора" (с. 134).

Отдельного разговора заслуживает поднятая в монографии на новый теоретический уровень проблема "региональное/локальное начало в фольклоре". Отметим, что в последнее время эта проблема привлекает самое пристальное внимание специалистов. Яркий пример тому – состоявшаяся в сентябре 2003 г. в Петрозаводске международная конференция "Локальные традиции в народной культуре Русского Севера" в рамках "Рябининских чтений". На наш взгляд, современные исследователи существенно "продвинулись" в понимании сложных вопросов происхождения и функционирования отдельных локальных традиций благодаря тем положениям и видению в целом этой проблемы, которые содержатся в монографии Б.Н. Путилова. Ученый дал наиболее четкое и удовлетворяющее исследователей на данной стадии разработки этой проблемы представление о перспективах ее решения и значимости для понимания исторических судеб фольклорной культуры определенного этноса и нации в целом. Он подчеркивал, что наиболее продуктивный путь изучения той или иной локальной и региональной традиций должен лежать в области конкретных разработок местного материала и его сопоставления с другими местными традициями. Более того, ему принадлежит мнение о полной бесперспективности постановки таких вопросов, как сравнение "местных" традиций с "общерусской традицией", которая представляет собой некое обобщенное научное представление о совокупности жанров, сюжетов, образов, характерных для множества локальных традиций того или иного этноса или нации.

Второй раздел монографии Б.Н. Путилова – "Фольклор как творческий процесс" – посвящен разработке собственно филологических проблем в фольклористике. Внимание ученого направлено на освещение "генеральных задач науки", на узловые моменты современных исследований: проблемы жанра, сюжета, варианта и др. Обращаясь к известным работам зарубежных и отечественных исследователей, Б.Н. Путилов делает попытку на новом методологическом и теоретическом уровне рассмотреть основные дефиниции филологической фольклористики.

Так, понятие вербального текста получает у него структурно-содержательное определение: "это завершенная в содержательном и структурном плане самостоятельная единица, организуемая по законам и правилам той микросистемы, к которой она принадлежит, и обращающаяся в культурной сфере по законам как той же микросистемы, так и целостной фольклорной макросистемы" (с. 166). Предложенное понимание фольклорного текста оказывается шире известных лингвистических определений, с которыми мы сталкиваемся в последнее время.

Понятие "фольклорный текст" предстает явлением настолько многосторонним и разноплановым, что не позволяет "запечатлеть" его в дефиниции: он исследуется в рамках таких направлений, как лингвистика текста, теория речевых актов, теория массовой коммуникации, прагматика и т.д. Тем не менее общее положение в определении текста – то, что он представляет собой основную единицу коммуникации, обладающую цельностью и структурированностью. Общепризнанно и то, что текст – одна из основных коммуникативных единиц, участвующая в коммуникации как средство отражения и преобразования внелингвистической действительности: "Наша речь, – по выражению Г. Вайнриха, – покоится на ситуации"¹. Текст, таким образом, можно рассматривать как вербальную и знаково зафиксированную "реакцию" на ситуацию. Текст ею провоцируется и ее отражает. Кроме того, организация текста зависит от адресата (реципиента). Текст есть элемент знаковой системы, входящей в общий для говорящего и слушающего смысловой код². Все это формирует важнейшее свойство текста как лингвистической единицы – неразрывное, взаимосвязанное единство функции (прагматики), формы и смысла³.

Попутно отметим, что с позиции “фольклор есть особая форма устной речи” С.Б. Адоньева в статье “Своя чужая речь: фольклор в свете прагматики” пытается построить некую классификацию жанров на основе прагматических функций фольклорного высказывания (с. 239–251). Однако Б.Н. Путилов в своей книге был все же далек от такого однозначного понимания фольклорного жанра. Принципиально важным для него являлось, конечно, разграничение литературоведческого (общеэстетического) и собственно фольклористического понятия жанра. С этим связана и предложенная им рабочая гипотеза классификации жанровой системы фольклора, основанная на пропповском понятии “области”. Критерием для выделения пяти областей жанровой системы послужили “форма функционирования, которая обуславливает самое существенное в характере жанров, в их структуре и поэтике, в их сюжетном фонде”: 1) внеобрядовая проза; 2) внеобрядовая песенная поэзия; 3) фольклор непосредственно ритуализированных форм (обрядовый, игровой, фольклор магических действий); 4) собственно драматические, не входящие в обряд формы; 5) фольклор речевых ситуаций (с. 172–173). А это, согласитесь, не просто речевые акты!

Нет необходимости спорить о целесообразности предложенного подхода: он, следует признать, достаточно универсален и максимально обобщен, имея в виду множество жанров и жанровых разновидностей русского фольклора как традиционных, так и современных форм. Однако упрек Е.А. Костюхина, что “фольклор, конечно, не только искусство слова, но это же вербальная культура, и как таковая она подчиняется общим законам словесного искусства” (с. 15), звучит диссонансом главному пафосу книги Б.Н. Путилова, защищающей фольклор от предвзятости такого подхода.

Убедительно в этой части книги разработана теория вариативности в фольклоре. Вариативность, понимаемая как постоянное качество фольклора, обнаруживается на самых разных уровнях текста и фольклорной системы в целом. Вариативность непосредственно связана с категорией традиции, характером функционирования значимых элементов фольклора во времени и пространстве, с категорией исполнительства и вопросом о роли личного начала в фольклоре (в отличие от категории авторства). Именно вариативность позволяет объяснить глубинные процессы исторической трансформации фольклорной культуры.

Несмотря на множество сложнейших теоретических проблем, поднятых в работе Б.Н. Путилова, достойных отдельного монографического изучения, необходимо указать на концептуальную целостность всего исследования. Монография Б.Н. Путилова подводит своеобразный итог предыдущим исследованиям, противопоставляя откровенно идеологическим постулатам “советской школы” объективный научный взгляд на предмет фольклора, и открывает для будущих фольклористических исследований новые перспективы. Спустя десять лет книга Б.Н. Путилова продолжает вызывать живой интерес читателей.

Во втором разделе книги “In memoriam” представлены работы исследователей, в которых в той или иной степени содержится отклик на поставленные теоретические вопросы Б.Н. Путилова. Здесь представлены имена известных современных отечественных и зарубежных специалистов в области традиционной народной культуры (А.К. Байбурина, А.А. Горелов, И.И. Земцовский, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, А.Ф. Некрылова и др.), принадлежащих к различным научным школам.

Примечания

¹ Цит. по: Шмидт З.Й. “Текст” и “история” как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 94–95.

² См., например: Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 161–166; Звегинцев В.А. О цельюоформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1980. Т. 31. № 1.

³ См., например: Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981; Николаева Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 17–30.